

These translations are part of an Accepted Manuscript of an article published by Taylor & Francis in *Translation Review* on 1 March 2017. The full article "ON TRANSLATING VLADIMIR KORNILOV: THREE POEMS" by Katherine E. Young is available online: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/07374836.2016.1272371?journalCode=utrv20>.

Большие батальоны

Бог на стороне больших батальонов
Вольтер

Они во всем едины,
Они неразделены,
Они непобедимы,
Большие батальоны.

Они идут большие,
Всех шире и всех дальше,
Не сбившись, не сфальшивя:
У силы нету фальши.

Хоть сила немудрена,
За нею власть и право.
Большие батальоны
Всевышнему по нраву.

И обретает имя
В их грохоте эпоха,
И хорошо быть с ними,
И против них быть плохо.

Но всю любовь и веру
Я отдал все ж не Богу,
А только офицеру,
Который шел не в ногу.

1988

The Mightiest Battalions

*God is on the side of the mightiest
battalions*
Voltaire [sic]ⁱ

The mightiest battalions
are indivisible.
Their power is unmatched.
They are invincible.

Mighty, they roll onward:
march farther, wider, best.
In unison, unerring:
in strength there's no false step.

Though strength is fairly simple
when backed by power and right.
The mightiest battalions
are pleasing to the Almighty.

The epoch takes its name
from all their clamor and din.
It's best to march among them
and bad to stand against.

I gave God neither love
nor faith – gave all, instead,
only to the officer
who marched out of step.

1988

Старая лента

Кончено!.. Доездились. Приехали.
За спиною остывает век...
Помогите, Одри либо Грегори,
К вам хочу, мисс Хепбёрн, мистер Пек.

Сызнова меняются калигулы,
Новые гогочут жеребцы...
Ставлю ленту "Римские каникулы",
Не ползу в пророки и жрецы.

Многовато повидал я нечисти
С давних лет и до недавних пор.
... По-мужски зато, по-человечески
Отпустил принцессу репортер.

... Недобрал я настоящей лирики.
В автобиографии моей
Вместо лирики мелькали митинги,
Частые восшествия коней,

Светопреставления, трагедии,
Погруженья в бездну и во тьму.
... Оттого, что два тысячелетия
Не взвалить на плечи одному,

Хочется простого, черно-белого,
Нежного и прежнего до слёз,
В меру незатейливого, бедного,
Где с серьёзом слился несерьёз,

Где в ладах открытое и тайное...
И такого просит, чуть дыша,
Слабая моя, сентиментальная
И многострадальная душа.

2000

Old Videotape

It's done! That's it. We crashed and burned.
Behind us, now, the century cools.
Help, Audrey, Gregory! Miss Hepburn,
Mr. Peck: let me come, too!

Caligulas still take the reins;
today, new stallions whinny and bray....
I won't become a priest or prophet;
I switch on *Roman Holiday*.

Too often I met evildoers,
both long ago and recently....
But then, like a man, honorably,
the journalist set the princess free....

My own life's short on poetry.
Instead of sparkling, lyric hours,
my days were filled with endless rallies,
the frequent rise of horses to power,

Armageddons, tragedies,
immersion in the depths, the gloom....
Because one man can't bear the weight
of two millenia's-worth of doom,

I just want something simple, tender,
black-and-white, that's poor and plain,
old-fashioned enough to make you cry,
something where pleasure melds with pain,

where open walks with secret hand-
in-hand.... That's all I need to still
my weak and sentimental – barely
breathing – my long-suffering soul.

2000

Погодинка

На тихой улице Погодинке
Во имя мира и добра
Собачий лай трясет питомники
С полуночи аж до утра.

По тихой медицинской улице
Осенней полночью бреду
И слышу — узники и узницы
Опять почувяли беду.

Их лай то явственней, то глуше,
И вот уж — черт его дери! —
Не разбираешь: он снаружи,
А может, и во мне, внутри.

И постигая боль собачью,
Я, словно сам в стальном лесу
Истошно лаю, горько плачу
И клетку истоиво грызу.

Не сыщешь доводов для сердца,
Ему неведомо досель,
Что нечего глядеть на средства,
Когда столь благородна цель.

Но как безвыходно и сиро
Вдруг станет, отвлечешься чуть,
И все несовершенство мира
Обстанет — и не продохнуть.

1960

Pogodinka Street

On the quiet street of Pogodinka,
in the name of peace and right,
kennels shake with the barking of dogs
from midnight till first light.

Along the quiet, medicinal street,
in fall I tramp alone
and hear the prisoners as they catch
the scent of woe again.

Sometimes the barking's clearer, sometimes
it's indistinct, and already –
oh, hell! – you just can't tell: is it
outside or inside me?

As if in a steel forest myself,
I comprehend their pain:
bark pitifully, cry bitter tears,
fervently gnaw my cage.

You won't find arguments for the heart:
the heart still doesn't know
that there's no need to question the means,
so noble are the goals.

Just look away a second: how hopeless,
how lonely it will seem
when suddenly all the world's flaws
surround you – and you can't breathe.

1960

ⁱ The sourcing of this quotation appears to have been an error on Kornilov's part. Voltaire's exact words were "Dieu n'est pas pour les gros bataillons, mais pour ceux qui tirent le mieux." In preparing the translation for publication, I corresponded with Larisa Bepalova, Vladimir Kornilov's widow, regarding this epigraph. It was her wish to retain the erroneous attribution while simultaneously acknowledging the error.